

СКАЗКА

5dovin

Дмитрий Вдовин

сКАЗКА

<https://litres.ru/73897608>

SelfPub; 2026

Аннотация

Старая медная лампа скрывает страшную тайну. Она открывает таинственный путь в другой мир, полный волшебства.

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

сКАЗКА

Глава

Сказка.

Эта история произошла много лет назад в морском городке Ласл, в конце зимы.

Маленький участок земли окружён почти вертикальными скалами, так что пересечь их или обойти не представляется возможным. Единственный путь попасть или выбраться из города – это порт, южный район города, который все жители называли «Кашель». Непокойное море словно спотыкалось о незримое препятствие перед бухтой и, полностью потеряв свою силу, мерно и утомлённо облизывало прибрежные камни. По берегу стелился едкий дым от бесчисленных коптилен, разносился резкий запах тухлой рыбы. Эта гремучая смесь вызывала приступы удушья и кашля. Вот он-то и дал имя рыбацкому району. На севере, под уступом скал, располагался район каменщиков. Здесь работали камнерезы, кузнецы и угольщики. На западе жил и работал ремесленный люд: кожевенники, гончары, ткачи и книжники. Центр занимал богатый район с мэрией и тюрьмой, банком и больницей, школой и пожарной частью. Восточный район тоже, как и порт, имел имя. Назывался он «Треск». Утлые, в большей

степени сколоченные из досок домишки с характерным треском разваливались от дуновения ветерка. Населяли «Треск» беднота и лица, скрывающиеся от руки закона. Здесь всё началось. В одном из домов жил старик колдун со своей дочерью. Сколько ему было лет – неизвестно, по-видимому, очень много, ибо его дочери исполнилось сто шестнадцать лет. Как так получилось, что у доброго волшебника могла вырасти такая злая дочь – ведьма с силой, способной губить и разрушать? Отец понимал, на что она способна. Он заточил её в доме, не давая ей возможности навредить людям. Никакими силами она не могла снять печати заклятия, находясь внутри дома. Но однажды он просто присел на крыльцо и долго, внимательно глядел на свои руки, что-то шептал, едва шевеля губами, потом закрыл глаза и больше их не открывал. Умершего обнаружил сосед. Первое необычное, что он заметил у старца, – это руки. Складки на ладонях сплетались в причудливый орнамент, как будто кто-то корявым почерком написал какую-то абракадабру. Сосед вроде бы и не сделал ничего, только лишь прошептал буквы на ладонях: -«Воб мер даше э ю даазх, Воб мер даше эйда ю даахз! УУа, ууа, даше ю!» Как сразу руки мертвеца резко сжались и спаялись в единый кусок камня. Послышался истерический женский смех, и от угла дома отвалилась маленькая щепка.

Район «Треск», построенный из дерева, зимой часто горел. Прошло несколько дней после смерти старца, как произошел очередной пожар. Пожарная часть находилась неда-

леко и команда примчалась очень быстро. Расчет мгновенно приступил к разбору соседних домов, чтобы огонь не распространился дальше по району. Дошли до дома колдуна. Хибара, казалось, рухнет только от взгляда, стояла как скала. Ломы вязли как в глине, вынимаешь, а трещины как и не было. Однако один из ударов пришелся точно в то место, откуда отвалилась щепка. И вдруг, молчащий до этого дом взвыл от радости благим женским воплем. Через миг он загорелся. Сам собой, хоть и до пожарища было далеко. Дом горел, но не было от него жара. Неестественный фиолетовый свет не обжигал. Удивленный пожарный сунул руку в самое пламя – ничего не произошло, ни боли, ни жжения. Вода тоже не реагировала на огонь, он горел сам по себе. Где-то внутри дома, женский смех то затихал, то становился громче. Вдруг затрещали перегорающие балки, и крыша глухо обвалилась внутрь, голос замолчал. Ещё минута, и огонь погас так же быстро, как и возник. Пожарные кинулись разбирать пожарище, чтобы достать женщину. Они с животным остервенением расшвыривали обугленные чурки, не замечая усталости. Вот уже нет не обследованного уголка, но никого не было, абсолютно никого. Они с изумлением смотрели друг на друга, ничего не понимая. Должны были остаться хотя бы кости, однако на пожарище не было абсолютно ничего, напоминающего человека. Ужасно расстроенные и удивленные, они какое-то время пытались найти следы женщины рядом с домом. Все их движения вдруг стали какими-то бессмыс-

ленными. Они бродили, как куры в огороде: вроде чем-то занимаются, а потом резко замирают, разглядывают что-то, и вдруг резко бегут куда-то. Всё превратилось в суету. Прошло несколько часов, пока не стало темнеть. Остаться было бесполезно – работа выполнена. Они собрались и уехали в депо.

Карл – тот самый пожарный, который первым увидел фиолетовое пламя. Свою службу он начал четыре года назад. Кем только он не работал до этого момента: от помощника кузнеца и до курьера у городского судьи. Старый судья и помог Карлу устроиться на столь теплое во всех смыслах место. Профессия пожарного считалась одной из самых престижных: высокий, стабильный оклад, государственная пенсия, паек, казённая форма и жилплощадь – маленькая комнатка в здании депо. Помещение было микроскопическое, но дом был тёплый и крепкий, и главное, комната была своя, городские власти после трех лет выслуги дарили пожарным жильё. Летом Карлу исполнилось 32 года. Высокий, подтянутый, с чёрными смоляными волосами и красным шрамом, идущим ото лба через бровь на переносицу, – ранение, полученное на одном из пожаров прошлой зимой. Смелый, красивый и сильный, оставался завидным женихом. Многие девушки пытались устроить с ним счастливую партию, но, как только узнавали Карла поближе, теряли к нему всякий интерес. При всех его внешних достоинствах, он оказался столь же отталкивающим по своему характеру: замкнутый, недо-

верчивый, не способный ни к дружбе, ни к любви, ни к простому человеческому общению.

После ожога, полученного на пожаре, рука не давала никаких поводов беспокоиться. Даже волосы не обгорели. Только слегка посинел мизинец. «Должно быть, ударил обо что-нибудь», – подумал он. Через неделю посинел ещё один палец. Мизинец же стал серым – сине-серым. Он не болел, не чесался, не щипал и не немел. Вся чувствительность сохранялась, просто он стал цветом как цемент. Как в краску макнули. Ещё через неделю вся рука стала серой. Серый цвет не беспокоил, но был страх, не болезнь ли это. Карл пытался мыть руку водой, протирать виски и делать примочки. Распаривал и даже бил её, ожидая появления синяков или красноты. Только серый, неизменный серый цвет. Как ни боялся врачей, но страх неизвестной болезни пересилил, придется идти в больницу.

– Доктор, с моей рукой что-то не ладное: вроде обжѐг, но не больно, и самого ожога нет, разве что серый цвет. Ни жара, ни ломоты, просто как в сажу печную макнул.

– Странно, странно, при каких обстоятельствах, голубчик, как вам кажется, вы обожглись?

– Да черт меня дернул в странное пламя фиолетовое – руку сунуть, а огонь-то и не огонь, свет идет, а жара от него нет. На следующий день рука возьми и посерей, засерей, тьфу ты, серой стань.

– Странно, странно, выпивали?

– Доктор, я на работе завсегда выпиваю, и что с того, раньше ничего подобного не было. Мы все пошло в одном кабаке покупаем, никто не отравился.

– Странно, ничем, голубчик, наука помочь не может. Вам к другим специалистам надо показаться, так сказать, высшей инстанции, и красноречиво ткнул пальцем в потолок.

Карл посмотрел на белый палец доктора, указывающий в грязный, с разводами от протекающей крыши, потолок, потом на свой серый палец. Достал тяжелую монету и вышел.

Он пробовал консультироваться у других врачей, но те тоже разводили руками, ничего не могли сделать. Тогда Карл пошел к специалисту, который был последним в его списке знатоков точных и около точных наук, – к священнику.

– Отец мой, объясни мне, грешному, что с моей рукой, чем прогневал я Господа нашего? – Карл всю долгую дорогу до церкви, как стихи, учил эту фразу, пытаюсь произвести на священника приятное впечатление.

Святой отец выпучил малюсенькие глазки, в ступоре простоял минуту. Робко сделал шаг назад, выставив вперед пухлые белоснежные ручки.

– Сын мой, – очень тихо сказал святой отец.

– Сын мой, – ещё тише.

– Сыыын, ты знаешь, что у тебя рука – серая?

– Отче, я и пришел для того, чтобы просить у Бога помощи и исцеления...

– У меня сегодня выходной, и храм сегодня закрыт, и мне

кажется, я очень болен, – скороговоркой перебил его пастырь.

– Прощай, сы... Карл. Уходи немедленно, храм закрыт, – отче волчком резво развернул своё толстое тело и на удивление прытко ретировался.

Карл ничего не понял, он какое-то время ещё чего-то ждал.

– Никогда бы не подумал, что серый цвет кожи может так сильно напугать церковного служителя, – сказал он, но его слушали только лишь сытые голуби под сводом церкви. Карл грустно выдохнул и неспешно двинулся к выходу.

Через месяц посерел мизинец на второй руке. И тут его осенило. Он пошел в район «Треск» к тому дому, с которого началось его удивительное преображение. Развалины всё ещё были в том состоянии, в котором они оставались после разрушения дома. Был лишь легкий налет редкого снега, пыли и сажки от кострищ. Карл излазил всё в округе. Сам не знал, чего и где искать, но что-то он должен был обязательно найти. Извозился весь, ничего не нашел, только головешки и обгорелое в саже чёрное тряпье. Зачем-то оторвал лоскут от тряпки и сунул его в карман. Уставший и злой как собака, пошел обратно домой.

Вместе с ним в депо жила вся команда, кроме начальника охраны Мартина Бенджамина Кёллера. Он единственный из команды был женат. Жену звали Ангела. Имел двух славных дочек Анну и Ингу, и старшего сына Пита. Сейчас жена

с детьми находилась в гостях у своей сестры в городе, который находился сразу за горой, окружающей Ласл. Семья жила в соседнем с пожарным депо доме, в собственной квартире на верхнем этаже трехэтажного дома, чем Мартин очень гордился. На верхних этажах в престижном районе могли жить только состоятельные жители города. Мало того, у него с балкона спускалась пожарная спуск-труба, по которой он мог мгновенно спуститься вниз по тревоге.

Мартин недолюбливал Карла за неумение уживаться с людьми. А тут в добавок странное внешнее изменение в облике Карла. Серый цвет кожи отталкивал. То ли брезгливость, то ли страх перед неизвестной болезнью. Однако он решил поговорить с Карлом, попытаться убедить относиться к людям более терпимо, с которыми приходится жить, работать и от которых, возможно, зависит его жизнь.

Мартин постучал. Дверь открылась, в проеме стоял Карл. Мартин даже отшатнулся, настолько поразил его абсолютно серый цвет кожи. Карл был весь серого, мерзкого мышино-го цвета. Брезгливость дополняла не менее мерзкая смесь из сырости, холода и сладко-солёного запаха, который непонятно каким образом заводится в больницах, в которых умирают старики. Мартин долго не мог оторвать глаз от Карла. Пауза стала неприличной, и Мартин выдавил из себя:

– Привет! – сказал Мартин.

– Ты переезжаешь, – совершенно не в тему, на одной ноте, утвердительно заявил Карл.

– О чем ты? – ответил Мартин

– В новый дом, – Карл, как будто не слышал вопроса. Голос его был механическим.

– Карл, какой новый дом? – Мартин снова пытался пробиться в сознание Карла.

– Тебе понравится, а я буду жить здесь, – закончил Карл. Мартин ничего не понял, рой мыслей перемешивался в кашу. То ему казалось, что Карл сошел с ума. То ему чудилось, что он уже разговаривал с Карлом про новое место жительства, но хоть убей, не мог вспомнить, когда? Ему пришла в голову мысль, что Карл разговаривает не с ним, а с кем-то, кого он не видит, все эти мысли были приправлены угнетающим видом Карла.

– Я сшил тебе новую накидку, сказал Карл и протянул кусок грязного, рваного, чёрного рубища.

– Ты спятил! – крикнул Мартин, силой оттолкнул протянутую серую руку с чёрной тряпкой.

Скорее всего, последнее, что он видел – это мгновенно посеревшая собственная рука.

Прошло несколько дней. Город жил своей спокойной, размеренной жизнью. Порт источал запах дыма и рыбы. Кузнецы ковали железо. Рынок торговал, а между рядами бегали беспризорники. Колокола на колокольне звенели. Всё было на своих местах. И очередной пожар в районе «Треск» не был чем-то необычным. Только команда пожарных, прибывшая на пожар, вызывала больший интерес, чем само действо.

Они были всё в чёрном рванье, полностью скрывающем тело, не было видно даже рук и лиц. Они слаженно справились с огнем, не проронив ни слова. Быстро собрались и так же быстро исчезли. Вместе с командой пропал первый житель города. Внезапно, без причины, в никуда. И теперь каждый раз, когда возникал пожар, в городе исчезал человек. Люди пропадали без свидетелей и каких-либо следов. Слухи, как ветер, разносились, подкрепляясь красочными выдуманными подробностями. Холодный страх поселился в городе. Подозрение пало на странную четверку огнеборцев. Как только появлялся дым пожарища, редкие прохожие разбегались по щелям, как тараканы, боясь встретиться с пожарной командой. И даже собаки, шестым чувством понимая опасность, поджав хвост, убегали скуля.

Шериф Боб понимал, что улики против них нет, но твёрдо решил в кратчайшее время разобраться с пропажами. Утром он стоял на пороге пожарного депо.

– Открывайте! – кричал он и молотил, что есть силы, в обитую старой зеленой медью дубовую дверь. Никто не отвечал. Боб бил руками, пинал ногами и требовал открыть минут двадцать, пока за дверью не послышался голос.

– Кто там? – прозвучал голос странного тембра, человек говорил словно в бутылку, в замкнутый сосуд.

– Открой, или я прикажу сломать эту чертову дверь! – провыл от злости, запыхавшийся шериф.

Сухой щелчок засова и тонкий писк не смазанных пе-

тель. Дверь очень медленно с потрескиваниями начала открываться. Такое ощущение, что не свет проник в проем, а тьма просочилась на улицу. В носшибануло резким запахом кошек и окалины железа. В сумраке прихожей стояло нечто темное, покрытое чёрным полотном до самых пят. Толи человек, толи огородное чучело. Тряпье было настолько рваное, что казалось, оно тлеет прямо на теле. Вдруг кусок тряпки, прикрывающей лицо, отвалился. По спине Боба побежали мурашки и выступил холодный пот. В животе противно заурчало и скрутило. Лица не было. Нет глаз, рта и носа. Гладко натянутая кожа серого цвета, без единого намека на морщины или растительность. Как будто второй затылок. Вдруг под просвечивающей кожей что-то шевельнулось, появилась выпуклость темного цвета. Она начала передвигаться, пульсируя. Потом появился ещё один бугорок и ещё один. Всё быстрее и быстрее, как будто из глубины всплывали эти выпуклости. Ещё секунду, и кожа кипела от кипящих под ней чёрных шариков. Ещё секунду, и из трепещущих бугорков слепилось лицо Карла. Только оно было под натянутой серой кожей, рот двигался, но отверстия не было, глаза моргали, но были под пеленой просвечивающей серой кожи. Шарик, как будто почуяли Боба, и начали предельно вытягиваться навстречу, растягивая кожу до прозрачности стекла. Тряпка, накинутая на плечи, снова шевельнулась, потом прыгнула на пол. Это не была галлюцинация. Она явственно начала двигаться к обмякшим, ватным ногам Бо-

ба. Мгновение, он выхватил револьвер и выстрелил в тряпку. Пуля попала точно. Но какой вред может причинить пуля тряпке? Она с настойчивостью насекомого ползла вперед. В свете выстрела Боб увидел три таких же существа, стоящие неподвижно по углам комнаты, как столбы, покрытые теми же тряпками. На полу валялась большая куча костей. Паника охватила шерифа, и он начал беспорядочно стрелять. Второй выстрел был в голову Карла. Кожа лопнула как пузырь, липкие брызги чёрного цвета попали ему на руки и лицо. Как густой деготь, обожгли не огнем, а страшной болью. Они рассекали кожу и медленно заползали под неё. Боб заорал и бешено завертелся, как волчок. Револьвер судорожно стрелял во все стороны. Наконец, сухой щелчок. Он прозвучал в ушах Боба громче грохота выстрела. Это был звук, говорящий о том, что стрелять больше нечем, одновременно он же привел его в некоторое спокойствие. В три коротких прыжка он вылетел на улицу. Подпер обломком доски тяжелую дверь. Голос не слушался, и крика не получилось. То ли хрипом, то ли скрипом, он выдавил: – «Огня!» Ничего не понимающий фонарщик дал факел. Со всего размаха он швырнул настенный светильник, полный масла, в дверь, туда же полетел факел. Одно мгновение, и Боб рухнул без сознания. Из штанин и рукавов змейкой потянулась чёрная жидкость в щель под горячей дверью. Потом как-то резко затвердела, натянулась и с грохотом, с хрустом ломающихся костей втянуло в щель тело Боба. Деревянное здание быстро зады-

милу. Слабое зимнее солнце помогало пламени взбираться вверх. Несколько минут, и дом пылал подобно свечке. Ошеломленные и испуганные люди даже не пытались тушить пожар. Находились умники, кто посмеивался над пожарными, у которых сгорело их депо. К утру от дома остались только печные трубы. На месте сгоревшего депо было решено построить новую пожарную часть, только уже из камня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.